

Те угличане, что постарше, наверное, помнят, что была некогда в Угличе художественная галерея имени Петра Бучкина, в постоянной экспозиции которой были выставлены более сотни его работ, в том числе несколько десятков великолепных видов Углича XX века. Но мало кто знает, что у Петра Дмитриевича был младший брат Михаил, который до 22-х лет прожил в нашем городе, а потом, переехав в Ленинград и получив образование, взял себе могучий и звучный сценический псевдоним Углич. Вероятно, мы уже никогда не узнаем, водимый какими поводами, в сопровождении каких мыслей и осеняемый какими наитиями он на это пошёл. Но не может быть сомнения в том, что, назвавшись Угличем, Бучкин оказался носителем и выразителем углическости, стал певцом, летописцем, более того – живым олицетворением своего родного города.

Угличский краевед И.В. Сагнак в настоящее время готовит к изданию книгу, составленную на основе рукописей М.Д. Бучкина, которая в скором времени должна увидеть свет. А сегодня мы впервые имеем счастливую возможность познакомить наших читателей с небольшими выдержками из неё.

Чаще и ярче всего вспоминаются детские годы. И особенно запомнился «Детский праздник», справляемый в Угличе ежегодно 16 мая (по старому стилю). Он был

посвящён памяти Дмитрия царевича (15 мая – день убийства). Все дети Углича собирались у дворца. Мы по очереди, со страхом и волнением подходили, крестясь, под исторический набатный колокол и лихо ударяли в него. Колокол беспрестанно гудел, как 300 с лишним лет тому назад в то трагическое утро.

Нас с детских лет жалобила гибель нашего сверстника, тревожила детскую душу разорением Углича ляхами, будила в нас любознательность к истории родного Углича и любовь к Родине. В городском саду в этот день было большое детское гуляние. Тут и там пестрело много расписных ларьков с диковинными игрушками и сладостями. Духовой оркестр гремел на весь Углич. Всё это наполняло детскую душу таким восторгом, что, казалось, за плечами вырастали крылья, и ты уже не бегаешь по земле, а порхаешь.

Я люблю Углич и благодарен ему за то, что родился в нём, вырос на Волге, обмыт её кристально чистой водой (той!) – такой прозрачной, что даже на большой глубине были видны золотистое песчаное дно и плавающие рыбы. Впоследствии, когда студентом приезжал в Углич на летние каникулы, я сейчас же бежал на Волгу, пригоршнями черпал воду, жадно подносил её к губам и не мог напиться – так она была вкусна.

1 декабря (по новому стилю) 1901 года – день и год моего появления на свет.

Отец мой – Дмитрий Петрович Бучкин – родился в 1851 году в деревне Софроново Кашинского уезда Тверской губернии и был крепостным крестьянином барина Лодыженского. В 1861 году получил вольную и с детских лет блуждал в поисках заработка по сёлам и городам и, наконец, осел в Угличе. Отец, научившись грамоте у дьячка «за горшок каши», пристрастившись к чтению и получив навыки военного писаря, будучи мобилизован в «турецкую кампанию» 1875-1877 гг., занялся после демобилизации работой «ходатая по делам». Обладая прекрасной памятью, отец назубок изучил «крестьянские законы». Он пользовался большим доверием и уважением крестьян, которые охотно обращались за написанием жалоб и ведением судебных дел к «своему мужику», а не к адвокату-«барину». Отец, высоко ценя пользу образования, постарался дать образование всей своей многочисленной семье.

Мама – Анна Матвеевна, – дочь угличского маляра М.Е. Горошкова, получила навыки чтения в 2-классной школе при Девичьем монастыре. Мама очень любила книгу и, не имея ни минуты времени для чтения, заставляла нас, детей, читать ей во время её домашней работы. Мама была редкой души и ума человек. Она научила меня любить жизнь, природу, людей. Воспоминания о маме являются для меня утешением во все горестные минуты жизни.

Свое начальное учение я начал «под каланчою». Так называлась 3-классная начальная школа, расположенная в помещении под пожарной каланчой. Учительницей у нас была Елена Константиновна Крылова, в которую я по-детски влюбился. Ей, наверное, было тогда лет 19-20. Она мне казалась сошедшей с красивых картинок, которые я переводил на бумагу. Это была моя «первая любовь». Смешно вспомнить, как я, возвращаясь из школы с ранцем за плечами, клялся себе не смотреть ни на одну девчонку и быть «верным» Елене Константиновне. Откуда взялось это рыцарское чувство? Может быть, под впечатлением рано прочитанного «Дон Кихота».

Законоучителем был у нас добрый отец Михаил – священник Петропавловской церкви. Он всегда нам ставил «пятёрки», но за плохое поведение давал нам пребольные щелчки по затылку. Это были пустяки. Другое дело было стоять целый урок на коленях лицом к своим товарищам. Стой у доски и жди, когда «дядя Александр» позвонит в большой колокол.

Вспоминаю с улыбкой и благодарностью учителя пения – отца-дьякона Девичьего монастыря Алексея Протасьевича (так звали его все в Угличе). Это был могучего телосложения богатырь с громовым голосом. Он любил свой предмет и с любовью разучивал с нами русские народные песни. Особенно мы любили петь с отцом-дьяконом песню «Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке сизый селезень плывёт» с припевом: «Ай да ребята, ай да ярославцы!», который мы лихо горланили во всё горло. Если мы пели не в тон («врали»), отец-дьякон пилил на скрипке над нашим ухом ту ноту, которая у нас не выпевалась. И если ещё «распетушье», которому «медведь на ухо наступил», от напряжения вытягивал руки на парту (что запрещалось в школе: «сиди, аршин проглотивши, и держи руки под партой»), то раздражённый учитель ударял смычком по рукам. Однажды отец-дьякон неудачно ударил смычком – ученик Лёня Калганов успел молниеносно спрятать руки под парту. Смычок, ударившись о парту, разлетелся пополам. Учитель, красный от гнева, бомбой вылетел из класса и скрылся в учительской. В классе наступила зловещая тишина. Через несколько минут мы, придя в себя, затаили любимую песню «Вдоль да по речке...». В раскрытую дверь мы видели, как в зале появился отец-дьякон. Он нервно ходил из угла в угол. Потом всё спокойнее стал приближаться к классу. А мы всё громче и громче, залихватски подхватывали припев. Наконец наша «гроза» ворвалась в класс, и урок пения закончился на высокой ноте дружбы учителя с учениками.

Мы очень любили строгого Протасьича за то, что он любил песню и нас. И ещё за то, что он был богатырём. А нам всем хотелось быть такими же сильными, как Протасьич.

Впоследствии, когда я поступил в первый класс городского училища, я опять встретился с Протасьичем. Он преподавал пение.

В городском училище был ещё один силач – Владимир Павлович Мирон. Он был одного роста и телосложения с Протасьичем. Они были друзьями и часто любили меряться силами. Обычно они проводили соревнование так: в перемену опоясывались полотенцами и становились у открытой двери класса – один в классе, а другой в коридоре. Победителем считался тот, кто перетянет противника на свою сторону – в класс или в коридор. Чаще всего борьба была с ничейным результатом. Трещала дверь,

лица борцов наливались кровью, и они, как две гранитных глыбы, не двигались с места, пока не прозвонит звонок на урок. Для нас, мальчишек, это было умирительным зрелищем, и мы охотно в перемену подражали своим учителям.

Вообще проявление физической силы и ловкости очень поощрялось. Во дворе училища стоял гимнастический городок с лестницей и шестами для лазания. В большую перемену – обязательная игра в лапту на «Воскресенской площади» подле училища. В.П. Мирон всегда играл с нами, давая «свечи» через церковь Параскевы Пятницы.

Я потому подробно остановился на воспоминаниях о детских играх и силачах-учителях, потому что они разожгли во мне любовь к спорту, сыгравшему большую роль в моей жизни.

Владимира Павловича мы обожали по-мальчишески за увлекательное преподавание истории. О всех исторических событиях, войнах и героях древности он рассказывал нам с горячностью льва. Это был преподаватель подобно нарисованному Гоголем в «Ревизоре» учителю, который, рассказывая об Александре Македонском, стулья ломал.

С благодарностью вспоминаю преподавателя русского языка Николая Николаевича Прохорова. Он часто читал нам в течение всего урока то страницы «Тараса Бульбы», то Жюль Верна, то Майн Рида. И как читал! Николай Николаевич был членом угличского Общества любителей музыкального и драматического искусства и часто играл в любительских спектаклях. Его классное чтение было, несомненно, высокого художественного мастерства. Мы слушали дорогого учителя с раскрытыми ртами и сердцами и охотно бежали к нему в школьную библиотеку, чтобы получить из его рук ту книгу, которую он считал нужным дать тому или иному ученику. Николай Николаевич научил нас любить книгу.

В 1912 году я перешёл во вновь открытое в Угличе реальное училище. Состав учителей был великолепный. Колоритной фигурой был директор училища – Николай Константинович Приоров. Он преподавал математику и фанатически боготворил этот предмет.

«Математика – основа философии, познания мира», – поучал нас Николай

Константинович. Он всегда быстро входил в класс в наглухо застёгнутом тёмно-зелёном директорском мундире, расцвеченном золотыми пуговицами. Торжественно опускал на стол кипу тетрадей с пожелтевшими листами лично написанного им задачника и строгими глазами окидывал класс. Высший бал, которым он удостаивал ученика, был «4», так как на «5» знает только Сам Господь Бог. А когда Николай Константинович ставил «2-» («2+» считалось удовлетворительным баллом), то строгий учитель утешал ученика словами: «Корень учения горек, а плод его сладок!» По окончании урока Николай Константинович выходил из класса весь в мелу. Он так рьяно объяснял задачу, гремя мелом по классной доске, что мел белыми искрами разлетался по сторонам, осыпая директорский сюртук.

Мы вышли из реального училища с хорошими знаниями и по математике, и по истории, и по литературе.

Когда я в 1923 году поступил в Петроградский университет на литературное отделение, то я мало чего нового почерпнул от профессоров, за исключением профессора Максимова-Евгеньева, известного некрасоведа.

Годы с 1919 по осень 1923-го были годами моего увлечения спортом. У каждого человека должна быть в жизни яркая, трепетная и по-своему красивая юность (что, к прискорбию, не всегда случается). Я с умилением вспоминаю годы моей угличской юности. Эти годы подробно описаны в моих воспоминаниях о «Спарте», напечатанных в угличской газете «Авангард».

В 1926 г. я окончил университет и одновременно, отдавая дань увлечению физической культурой, «Школу пластического танца». И увлёкся искусством хореографии.

«Жизни в искусстве» я многим обязан моему любимому брату Петру Дмитриевичу, профессору живописи. Это он приобщил меня с младенческих лет к восприятию прекрасного, начав с клейки мне красивых бумажных воздушных «гусей» и «латушек», а в зрелые годы посвящал меня в свои живописные замыслы.

МАРИИ ОРЛОВОЙ и МИХАИЛА УГЛИЧ

ЦЕНТР. ДОМ ИСКУССТВ
Пр. 25 Октября, д. 86. Телефон 609-75.

7
МАЯ
СРЕДА

ВЕЧЕР
ПЛАСТИЧЕСКОГО ТАНЦА

МАРИИ ОРЛОВОЙ и МИХАИЛА УГЛИЧ
ПРИ УЧАСТИИ
СТУДИИ **З. Д. ВЕРБОВОЙ и М. БРАЙЛОВСКОГО**

(РОЯЛЬ)
В ПРОГРАММЕ: Григ, Лист, Шопен, Скрябин, Рахманинов, Равель, Дешевов, Хиндемит.
У рояля В. ГЕРБУРТ.
ВЕРХНЕЕ ПЛАТЬЕ СНИМАТЬ ОБЯЗАТЕЛЬНО. Начало в 8 1/2 час. веч.
Билеты в канцелярии Центрального Дома Искусств от 2 до 7 ч. ежедневно.